

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Цяо Синянь проснулся от сильных позывов к мочеиспусканию. С тяжелой головой он поднялся с кровати, чтобы облегчиться.

Вчера вечером он не напился до беспамятства и знал, что ведет себя прилично, однако отвратительный вкус похмельного отвара до сих пор стоял во рту.

Умывшись в ванной, Цяо Синянь нетвердой походкой направился на кухню в поисках еды. Вчера он был сыт одним лишь алкоголем, не съев ни кусочка основной пищи, и теперь, когда голова прояснилась, почувствовал зверский голод.

На кухне было темно, лишь отблески огня из печи освещали смуглое лицо дяди Тяня. Его глаза светились необычным блеском.

— Старуха, я слышал от Цинчжу, что молодой господин собирается нас отпустить, — прошептал он.

Тетя Тянь бамбуковыми щипцами перекладывала приготовленные на пару паровые булочки в корзину. Это была уже третья партия, еды должно было хватить. Она накрыла корзину белой тканью и поставила рядом с другим котлом, чтобы те не остыли.

— Если нас отпустят, не выгонят ли они нас совсем? — спросила она.

Дядя Тянь понимал, что её беспокойство не лишено оснований. В богатых домах те, кто не продал себя в рабство, могли работать лишь на краткосрочных или долгосрочных контрактах, выполняя тяжелую физическую работу. По-настоящему своими считались лишь те, чьи жизни принадлежали господам. Некоторые семьи ценили только наследственных слуг, и если их отпустят на волю, нет никакой гарантии, что им позволят остаться в поместье. Особенно в таком важном месте, как кухня, их точно не оставят.

Радость на лице дяди Тяня померкла.

— До этого еще далеко. Давай отложим побольше денег, а когда придет время, поселимся в деревне неподалеку. Будем арендовать у молодого господина землю. А если в поместье будет работа, уверен, они в первую очередь предложат её нам.

Тетя Тянь промолчала и принялась мыть котел, чтобы готовить овощи. Именно в этот момент появился Цяо Синянь.

— Тетя Тянь, есть каша?

— Есть, есть! Как же рано вы встали, молодой господин! — Тетя Тянь вытерла руки полотенцем, зачерпнула из глиняного горшка, стоявшего на маленькой печке, миску каши «восемь сокровищ», положила на тарелку две паровые булочки и вынесла всё из кухни. —

Булочки тоже готовы, попробуйте, придется ли по вкусу?

Дядя Тянь последовал за ней.

— Доброе утро, молодой господин!

— Доброе утро, дядя Тянь!

Увидев золотистую корочку на булочках, Цяо Синянь не мог не похвалить их. Он быстро подошел к каменному столу во дворе.

— Позавтракаю здесь. А что еще есть из закусок? В этом году делали маринованные стручки фасоли?

— Делали. Зная, что вы их любите, управляющий Цин заготовил несколько чанов.

На самом деле Цяо Синянь больше хотел бы маринованных огурцов, но география этого мира отличалась от его родного: Индии здесь попросту не существовало, так что найти огурцы было нелегко.

К счастью, здесь был перец! Каждый раз, когда ему не удавалось найти привычную еду, он утешал себя этой мыслью. Если память не подводила, в Китае перец появился лишь в эпоху династии Мин. Цяо Синянь не был фанатичным любителем острого, но он обожал вкусную еду, а в кулинарии без перца никуда.

Насытившись, Цяо Синянь решил прогуляться в горы. Едва он вышел за ворота поместья, как из ниоткуда появились Цинтун и Синьхай. Цинтун бросил Синьхай корзину, закинул свою за спину и поспешил следом за Цяо Синянем.

В горах поутру было прохладно, трава была покрыта густой росой. Цинтун достал из корзины три пары гетр. Синьхай потрогал их: они оказались трехслойными, а между слоями ткани чувствовалось что-то гладкое. Он, подражая остальным, натянул гетры и завязал тесемки на коленях. Подняв голову, он увидел, как Цяо Синянь заправил полы одежды за пояс и скрылся в густом лесу вслед за Цинтуном. Его фигура выглядела даже внушительнее, чем у их генерала.

После вчерашнего дня Синьхай понял, что Цяо Синянь — человек незаурядный. Чего стоила одна его дерзость предлагать генералу быть снизу, не говоря уже о прозрачном ароматном вине и деликатесах из субпродуктов. Даже если Цяо Синянь был обжорой, то обжорой со вкусом, знающим толк в еде. Одно только вино открывало массу возможностей, а ведь это было далеко не всё. Синьхай уже пришел к негласному соглашению с Синьцзы, остававшимся в тени: внимательно следить за супругом генерала.

— Почему здесь так много древесных грибов? — Цяо Синянь бросил еще горсть в свою корзину.

— Люди на севере их не едят?

— Молодой господин, это же черный овощ. Простой народ не может позволить себе его есть. В городе принимают сушеные грибы, не разбирая качества, по шестьдесят монет за цзинь, — Синьхай оценил взглядом поляну. — Здесь наберется на двести с лишним монет.

— В Яоцзине их называют облачными ушами, и даже самые низкосортные стоят три серебряных за цзинь, — Цяо Синянь не прекращал работу и спросил Цинтуна: — Эти леса принадлежат поместью, люди из соседних деревень не могут сюда заходить?

— Именно так, молодой господин! — видя, что Цяо Синянь о чем-то задумался, добавил Цинтун: — Так было всегда. Вы уж не вздумайте по доброте душевной открывать горы для всех.

— Что вы ели на границе? — спросил Цяо Синянь у Синьхая.

— Когда было хорошо — ели кашу из зерновой смеси, лепешки и похлебку. А когда плохо — не то что кору и траву, даже глотка чистой воды не видели, — Синьхай потряс корзиной. — Пять лет назад генерал с несколькими тысячами солдат держал оборону у заставы Чжуньи. В лютый мороз повара выкапывали корни деревьев, а их руки чернели от обморожения.

— Пять лет назад, когда застава пала, бесчисленное множество людей лишилось крова. Маркиз Чжэньбэй оправдывался нехваткой провианта, но ведь чиновники, отвечавшие за поставки, доставили всё в срок, и документы с печатями это доказывали, — сказал Цинтун. — Все видели, как император относится к дому маркиза. За такую чудовищную ошибку генерала Цзиня наказали лишь лишением жалования на полгода и сотней ударов палками. А в прошлом году, когда на юге высадились пираты, генерала Цзоу Пина просто казнили.

Вот черт, его парня еще и избили! Сто ударов палками — от одной мысли об этом Цяо Синянь почувствовал, как у него самого все затекло. Жестокий ублюдок этот император!

— И не говорите. Наш генерал обладает мощной внутренней силой, но даже он пролежал в постели больше месяца. Зимой раны заживают медленно, началось воспаление, чуть не погиб, — Синьхай был доволен реакцией Цяо Синяня. Большого он сказать не мог: с провиантом действительно возникли проблемы, и оправдываться было нечем, своих людей подкупили. А что до Цзоу Пина, так его двоюродная сестра, наложница Цзоу, возомнила себя императрицей, раз уж держала в руках печать, и полезла не в свое дело, за что и поплатилась.

Когда они спускались с горы, Синьхай нес полную корзину грибов, Цинтун — полкорзины грибов и полкорзины диких ягод. Фазанов и зайцев, которых они добыли, они несли в руках. Цяо Синянь же держал плетеную корзинку, которую Синьхай смастерил на месте: в ней сидели пять крольчат, которым едва исполнился месяц. Их родители, вероятно, уже были в руках у Синьхая и Цинтуна.

Цинчжу уже давно высматривал их на дороге. Увидев троицу, он поспешил навстречу и принял

у Цяо Синяня корзинку.

— Молодой господин, вы сегодня так рано! Если бы Тянь Цю не сказал мне, что вы ушли, я бы так и ждал у дверей вашей комнаты!

— Впредь не жди у дверей. Просто заходи в три часа дня, чтобы прибраться, — Цяо Синянь кивнул на корзинку. — Это кролики от Цинтуна, тебе.

Цинчжу приподнял корзинку, крольчата испуганно заметались внутри. Он рассмеялся:

— Я буду хорошо за ними ухаживать.

Синьхай тихо проворчал:

— Разве не я их поймал?

Цинтун, проходя мимо, бросил:

— Спасибо, брат.

На обед была жареная крольчатина с перцем, а на ужин Цяо Синянь заказал головы кроликов в остром соусе и суп из фазана. Весь остаток дня он провел в кабинете, не выходя из него.

Сначала он по памяти записал две главы из медицинского устава лечебницы, в которой работал в своем мире. Сидя за столом, он выводил на бумаге названия: красный раствор, фиолетовый раствор, повидон-йод, йодная настойка, спирт, юньнань байяо. Всё, кроме спирта и юньнань байяо, он вычеркнул.

Спирт был продуктом растительного происхождения, его было легко получить. Хэ Чуань уже освоил процесс дистилляции вина, и если контролировать температуру, можно было получить медицинский спирт.

Медицинский спирт можно использовать для дезинфекции инструментов, кожи, профилактики пролежней и физического снижения температуры. Девяностопятипроцентный спирт годится для спиртовок. Семидесяти-семидесятипятипроцентный спирт идеален для стерилизации. Сорока-пятидесятипроцентный — для профилактики пролежней.

Юньнань байяо был секретным медицинским препаратом, знаменитым средством китайской медицины, обладающим кровоостанавливающим, болеутоляющим и противоотечным действием. Цяо Синянь написал письмо в медицинский центр Шаншань, описав свойства и действие препарата, но в составе указал лишь женьшень и нотоженьшень. Чтобы разжечь интерес, он в конце добавил, что горько сожалеет о том, что многие древние рецепты,

которыми он владеет, до сих пор не приносят пользы людям.

Затем он написал письмо Хэ Чуаню, который находился на юге. Он знал, что без его указаний Хэ Чуань не станет раскрывать секрет дистилляции.

Написав несколько строк, он понял, что нужно посоветоваться с теми, кто в этом разбирается.

— Цинчжу! — позвал он.

Цинчжу, вышивавший в коридоре, тут же отложил работу.

— Молодой господин, принести чаю? Или вы проголодались?

— Нет, — ответил Цяо Синянь. — Позови Цинтуна и Синьхая, мне нужно их спросить, заодно принеси с кухни чего-нибудь поесть.

— Слушаюсь!

Цинчжу вскоре вернулся с едой.

— Сегодня жарко, тетя Тянь приготовила пирожные из ямса и напиток из копченых слив.

Глядя на напиток, Цяо Синянь вспомнил про селитру. Он принес из ванной два таза, один побольше, другой поменьше, и достал селитру. Высыпав её в большой таз, он дождался, пока вода в маленьком тазу начнет покрываться льдом, и поставил туда чашку с напитком. Если бы вода в ванной была питьевой, он бы наколот льяда прямо в напиток, но и так было неплохо.

<http://bllate.org/book/19132/1879003>